

ЛОКАТИВНАЯ ИНВЕРСИЯ В ЯЗЫКАХ СО СВОБОДНЫМ ПОРЯДКОМ СЛОВ¹

LOCATIVE INVERSION IN FREE WORD ORDER LANGUAGE

Циммерлинг А.В. (meinmat@yahoo.com), МГОПУ им. М.А.Шолохова

Locative Inversion, i.e. transformation SVLoc → LocVS, is characteristic of a class of languages, including Russian, Lithuanian, Spanish, Greek and Albanian. In all these languages the position of the Verb is not fixed, in most of them the position of the Subject is not fixed either: therefore, the mechanism changing the placement of S and V in the context where Loc takes sentence-initial position is a challenge for the theory of word order. The author argues that Locative Inversion, contrary to claims made elsewhere, is triggered by Subject Movement to Focus position and not by Verb Movement to second position. The current versions of the EPP-driven analysis make wrong predictions about Locative Inversions in Russian and typologically similar European languages and cannot account for the placement of postverbal subjects in free word order languages.

В настоящее время можно считать эмпирически установленным фактом то, что:

- Все языки мира, включая т.н. 'языки со свободным порядком слов', имеют ограничения на развертывание синтаксических структур. Языков, где все линейные порядки во всех предложениях одинаково приемлемы, не существует.
- Языков, не допускающих синтаксические альтернативы элементов предложения, где все предложения развертываются единственным возможным способом, не существует.²

Отсюда следует, что порядок слов во всех языках мира предсказуем, и можно определить свойственные данному языку или типу языка системы ограничений, разрешающих грамматически правильные линейные порядки и запрещающие неправильные. Данная констатация сама по себе не ограничивает выбор подходов к исчислению порядка слов в естественном языке. В отечественной науке тот факт, что одному дереву составляющих (или дереву зависимостей) предложения может соответствовать более одного линейного порядка³, обычно интерпретируется в том плане, что построение дерева подчинения и линеаризация элементов предложения — разные операции, за которые должны отвечать разные модули синтаксического процессора, ср. [Гладкий, Мельчук 1969; Мельчук 1974], а также близкий подход в одной из развиваемых на западе школ генеративной грамматики [Gazdar, Klein, Pullum, Sag 1985]. В западной синтаксической традиции возобладала точка зрения о том, что т.н. базовый компонент синтаксиса (= Контекстно-Свободная грамматика, КС-грамматика) выдает на выходе уже упорядоченное дерево предложения (обычно представляемое в виде дерева составляющих с бина-

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект РГНФ проект 06-04-00203а «Типология свободного порядка слов и модели инверсии». Автор благодарит Т.Е.Янко, Е.В.Падучеву, Барбару Холл Парти, Дэвида Песецкого, А.А.Перекрестенко и Мэри Мак-Роберт, а также анонимных рецензентов конференции «Диалог 2007». Ответственность за делаемые ниже утверждения несет автор статьи.

² Иная лингвистическая идеология заложена в типологической доктрине Дж.Гринберга [Greenberg 1963] и его последователей (У.Ф.Леманн, Дж.Хокинс, М.Драйер).

• Порядок слов/составляющих воплощает иерархические отношения значимых элементов предложения (meaningful sentence categories). Этот тезис выдвигается любой теорией порядка слов, претендующей на интуитивную адекватность: исчисление элементов предложения невозможно, если они лишены категориальной маркировки.

• Все языки мира имеют на глубинном уровне некоторый жесткий порядок слов. Данный тезис априорен, и эмпирически его доказать невозможно.

• Все языки мира могут быть успешно описаны в терминах строго ограниченного набора предположительно универсальных категорий (подлежащее, дополнение, предикат, и т.п.). Тезис может быть верифицирован или опровергнут материалом.

• Тип предложения (SOV, VSO, SVO и т.п.) зависит от условий ветвления, в конечном счете, - от порядка Вершина → Зависимое (Head → Complement) или Зависимое → Вершина (Complement → Head) в бинарных группах членов предложения. Тезис, по-видимому, эмпирически проверяем, причем накоплен большой материал, свидетельствующий против него.

³ Другой аспект антиномии линейного и структурного порядка связан с проблемой синтаксической омонимии, когда одному линейному порядку элементов может соответствовать несколько разных деревьев. Ср. фразы вроде рус. *мать любит дочь, холодный арктический воздух сменял теплый фронт* и т.п.

рным ветвлением) с жестким базовым порядком узлов, после чего реструктурирование дерева предложения возможно лишь в ограниченном объеме (за счет применения Контекстно-Зависимых правил, КЗ-грамматики). В современных версиях грамматики Н.Хомского (Government & Binding Theory, The Minimalist Program) считается, что отклонения от уже порожденного и специфичного для данного языка базового порядка слов тривиальны и вытекают из принципов Универсальной Грамматики, причем все перемещения элементов предположительно реализуются только в одном направлении — из нижестоящих узлов в вышестоящие [Fiengo 1977; Chomsky 1993; Chomsky 2001; Bailyn 2004]. Теории данного типа своеобразным способом совмещают постулат о базовом порядке слов и постулат о подвижности элементов (Movement), заполняющих узлы дерева предложения⁴. Это достигается за счет того, что дерево предложения считается состоящим не только из материально выраженных элементов синтаксиса — лексических категорий (Lexical Categories), т.е. членов именных, глагольных, предложных групп и т.п., имеющих ненулевое выражение, но и из некоторого числа т.н. функциональных категорий (Functional Categories), т.е., по существу, пустых синтаксических позиций, заполняемых перемещаемыми элементами⁵. Тем самым, если в предложении вроде рус. *Иван быстро съел свой бутерброд* обстоятельство *быстро* может занимать разные места, нужно постулировать *n* пустых позиций, являющихся мишенями для *n-1* перемещений элемента *быстро*:

(1) ___₁ Иван ___₂ съел ___₃ свой * ___₄ бутерброд ___₅

Встает вопрос, какую позицию элемента *быстро* следует считать исходной, а какие производными. Если решение диктуется не только догматическими соображениями (постулаты об базовом порядке развертывания предложения, о направлении перемещений и их исходной позиции и т.п.), нужно выяснить, сопряжена ли постановка элемента в ту или иную позицию с выражением некоторого значения или нет: правомерно полагать, что перемещение элементов предложения, если оно действительно является реальностью языка, а не фикцией описания, имеет некоторое коммуникативное предназначение. Применительно к нашему примеру ясно, что крайне правая позиция (с индексом 5) является не лучшим кандидатом на роль исходного места обстоятельства образа действия, поскольку в данной позиции слово *быстро*, при озвучивании предложения будет произнесено с типичным акцентом ремы. Нейтральным следует считать и крайне левую позицию (с индексом 1), хотя в этой позиции второстепенный член предложения в русском языке может иметь разный коммуникативный статус, ср. [Ковтунова 1976; Падучева 1984; Янко 2001]. Остаются позиции под индексами 2-3): в обоих случаях обстоятельство *быстро* локализуется в глагольной группе, в то время как позиции 1) и 5), скорее всего, остаются за пределами последней⁶. Линейный порядок рус. *Иван быстро съел свой бутерброд* выглядит предпочтительней порядка *Иван съел быстро свой бутерброд*, но обоснование того, что позиция 2) является исходной, а позиция 3) сдвинутой, в любом случае требует формального разбора.

Догматические ограничения, заложенные в формализме Хомского, не всегда удобны для целей прикладной лингвистики и типологии. Вместе тем, введенное хомскианцами понятие перемещения синтаксических элементов (Movement) перспективно, тем более, что традиционная лингвистика не предложила альтернативной теории инверсии. Автор статьи развивает программу исследования, в которой принимаются следующие исходные положения, ср. [Циммерлинг 2002; Циммерлинг 2006; Zimmerling 2006]:

³ Некоторые сторонники генеративной грамматики утверждают, что две последние версии грамматики Хомского — Теория Управления и Связывания и Минимализм — настолько различны, что в рамках Минимализма постулаты о базовом порядке слов и Перемещении (Movement) якобы теряют значение. Это утверждение неверно. Во-первых, Контекстно-Свободная грамматика не может породить все множество правильно построенных синтаксических выражений [Shieber 1985], поэтому никакие декларации о снятии противопоставления т.н. глубинного и т.н. поверхностного уровня синтаксической репрезентации не устраняют необходимость применения КЗ-правил, а понятие Movement призвано формализовать такие правила. Во-вторых, именно в период Минимализма получил распространение тезис о т.н. Extended Projection Principle (EPP), согласно которому предглагольная позиция в предложении во всех языках должна заполняться выражением, обладающим той или иной степенью подлежащности (subjecthood). Данный тезис применяется и к языкам типа современного русского, ср. [Babyonyshev 1996; Bailyn 2004, Williams 2005; Sloussar 2006]. По нашему мнению, главное различие между Теорией Управления и Связывания и Минимализмом лежит не в плане лингвистической идеологии, а в плане программной реализуемости модели. Минимализм связан с попыткой установить более жесткие ограничения для случаев перемещения. Буквальное следование этой программе, в частности сохранение т.н. Specifier Island Constraint при снятии т.н. Shortest Move Constraint (что нужно для таких языков, как современные немецкий и русский), приводит к краху деривации, когда возникают грамматики типа “0”, эквивалентные машине Тьюринга [Kobele, Michaelis 2005]. Парсинг на основе таких грамматик невозможен.

⁵ В поздних версиях грамматики Хомского принимается допущение о том, что трансформации не создают синтаксических позиций, а лишь заполняют их, ср. [ФНСАЛ 1997: 68].

⁶ Причины, по которой *быстро* не попадает в позицию 4), требуют дополнительного осмысления. Было бы выгодно считать, что правила перемещения действуют уже после того, как все группы предложения порождены. Однако группа дополнения [*свой бутерброд*], видимо, может разбиваться подлежащим: рус. *Свой Иван бутерброд съел быстро* <а бутерброд жены не тронул>.

- Предположительно, все естественные языки имеют пары (или множества из n элементов, $n \leq 2$) из предложений с одной и той же лексико-синтаксической структурой, но разным линейным порядком.
- Для каждой пары /множества таких предложений возможно определить вариант, воплощающий исходный порядок и получить производные порядки из него.
- Возможно получить производный линейный порядок из исходной, выделяя элемент, который перемещается $\{a + b + c\} \Rightarrow \{b + a + t_b + c\}$ ⁷.
- В связи с анализом в терминах Перемещения (Movement) уместно озвучить ряд фундаментальных фактов о синтаксических структурах и парсинге.
- Контекстно-свободные грамматики (КС-грамматики) неспособны породить все множество правильно построенных предложений. Поэтому любая формальная теория естественного языка, независимо от программных деклараций о снятии противопоставления глубинного и поверхностного уровня синтаксической репрезентации, нуждается в Контекстно-зависимых правилах (КЗ-правилах) типа $XY \rightarrow (Z) YZ$. [Гладкий, Мельчук 1969; Gazdar, Klein, Pullum, Sag 1985; Shieber 1985; Перекрестенко 2003].
- Правила Перемещения (Movement Rules) являются подклассом КЗ-правил. Перемещение сохраняет число синтаксических позиций, но меняет их лексическое заполнение.
- Постулаты, ограничивающие Перемещение единственным направлением — Справа Налево (Right-to-Left), носят априорный характер и не могут быть доказаны эмпирически.

В нашей концепции постулат о выводимости производной последовательности из исходной в парах предложений, ср. рус. *Иван быстро съел свой бутерброд* \Rightarrow *Иван t_1 съел свой бутерброд быстро*, в отличие от концепций Гринберга и Хомского, не заставляет постулировать для всех предложений описываемого языка единый базовый порядок слов (например, порядок $S + Adv + V + O$), а все отклонения от него объяснять как перемещения. Мы не принимаем постулата Фиенго [Fiengo 1977], запрещающего все перемещения, которые действуют слева направо, и разрешающие только перемещения справа налево, предположительно связанные с повышением элемента в синтаксической иерархии. Мы также отвергаем лежащее в основе постулата Фиенго тезис о том, что направление перемещения непременно связано с продвижением элемента в дереве предложения (Right-to Left Movement = Promotion, *Left-to-Right Movement = Lowering). Мы, наконец, отказываемся принимать т.н. Shortest Move Constraint, ранее называемый Minimal Link Condition, согласно которому передвигается ближайшая к мишени передвижения категория⁸, поскольку сохранение этого постулата ведет к эмпирически неприемлемым следствиям для ряда языков и делает парсинг для них невозможным [Kobele, Michaelis 2005].

Для языков с т.н. свободным порядком слов, допускающих большое количество линейных альтернатив, анализ в терминах перемещений дает хорошие результаты, хотя в группах из 4 и более элементов возможны перестановки двух и более элементов сразу. Такие последовательности нельзя получить друг из друга за один шаг, ср. русский пример

(2) рус.

{abcdefg} \Rightarrow	{abdgfce}
Рус. Речи (a), которые (b) никогда (c) раньше (d) не слышали (e) в Лондоне (f) из уст мэра (g)	речи (a), которые (b) раньше (d) в Лондоне (f) из уст мэра (h) никогда (c) не слышали (e)

Схожая комбинаторика у линейных вариантов литовского предложения, являющегося переводным эквивалентом русского:

(3) лит.

1 2 3 4 5 6 7
 kalbos, kurių niekada anksčiau nerà girdejęs Vilnuje iš mero lupu.
 слова, которые никогда раньше не-было слышно в-Вильнюсе из-мэра-уст

1 2 3 4 5 6 7
 (3-1) kalbos, kurių *niekas anksčiau* nerà girdejęs Vilnuje iš mero lupu.

1 2 3 4 5 6 7
 (3-2) kalbos, kurių **Vilnuje** *niekas anksčiau* nerà girdejęs iš mero lupu.

1 2 3 4 5 6 7
 (3-3) kalbos **Vilnuje**, kurių *niekas anksčiau* nerà girdejęs iš mero lupu.

1 2 3 4 5 6 7
 (3-4) ? kalbos **iš mero lupu**, kurių *anksčiau niekas* nerà girdejęs Vilnuje.

1 2 3 4 5 6 7
 (3-5) ? kalbos **iš mero lupu Vilnuje**, kurių *anksčiau niekas* nerà girdejęs.

⁷ Символом вида t_b обозначается след перемещаемого элемента.

⁸ В исходной формулировке Н.Хомского: «{Category } α can move to target K only if there is no legitimate operation Move β targeting K, where β is closer to K».

Разобранный случай, который мы в работах [Циммерлинг 2006; Zimmerling 2006] предложили называть ‘множественным перемещением’ не аномален, но статистически более редок, чем ‘простые перемещения’, когда исходная последовательность получается из исходной за один шаг, за счет изменения местоположения ровно одного элемента, ср. пары предложений рус. *Петька возвращается из разведки* \Rightarrow *Возвращается_i Петька t_i из разведки*, которые, как показали И.И.Ковтунова и Т.Е.Янко, возникают в результате коммуникативно значимой операции — дислокации сложной ремы, с выносом глагола в начало предложения [Ковтунова 1976; Янко 2001; Янко 2001a].

Предметом непосредственного внимания данной статьи является конструкция с выносом обстоятельства места (Locative) в начало предложения, и вызванной этим перестановкой подлежащего и вершинного части сказуемого (Predicate Inversion). Данная конструкция известна в синтаксической литературе под названием Локативная Инверсия (Locative Inversion) и характерна для ряда европейских языков, включая современный английский и русский. Ср. рус. *Красивая девушка (1) стоит (2) у окна (3) \Rightarrow у окна (3) стоит (1) красивая девушка (2)*. Термин ‘локативная инверсия’ используется для анализа английского языка в [Emonds 1976], ср. также [Hoekstra, Mulder 1990] и широко обсуждается в литературе по общей грамматике после статьи [Bresnan 1994]. Анализ русского материала см. в [Babyonyshev 1996; Bailyn 2004]. В статье Дж.Бейлина сделана попытка обобщить модели инверсии на основе тезиса об обязательном заполнении предфинитной позиции в языках типа русского: данный вывод частично пересматривается в работах [Williams 2005; Slioussar 2006], при этом Э.Уильямс открыто утверждает, что все структуры, где предфинитная позиция не занята согласуемым подлежащим, возникают за счет передвижения глагола во вторую позицию (Verb-Second Structures).

Типологически важная особенность локативной инверсии в том, что в тех языках, где она представлена, предложения с порядком Обстоятельство места (Locative, L) + Подлежащее (Subject, S) + Глагол (Verb, V) неграмматичны или сильно маркированными, ср. неестественность русских предложений типа **У окна красивая девушка стоит*.⁹ Обобщим этот запрет в схематической форме:

(4) SVLoc \Rightarrow LocVS, *LocSV

Запрет (4) с формально-синтаксической точки зрения представляет собой загадку, поскольку в языках с локативной инверсией нет правила, по которому спрягаемый глагол занимает второе место от начала финитного предложения и не может отходить дальше вправо (т.н. Verb-Second-Constraint)¹⁰. Между тем, примеры с локативной инверсией внешне весьма напоминают примеры из континентальных западногерманских языков и скандинавских языков, где перед глаголом в простом повествовательном предложении может быть один, и только один, член предложения [Циммерлинг 2002]. Ср. внешне аналогичны примеры из немецкого языка:

(5-1) Dahinten steht ein Mädchen. «Там стоит девушка».

Там-внизу стоит неопр.арт. девушка

(5-2) Ein Mädchen steht dahinten. «Девушка стоит там».

(5-3) *Dahinten ein Mädchen steht

На первый взгляд, ситуация в русском/английском языке отличается от ситуации в немецком лишь меньшей грамматикализованностью запрета: носители немецкого языка ни при каких условиях не могут отодвинуть глагол при порядках S+V+Loc и Loc+V+S вправо, поэтому подлежащее при выносе обстоятельства места в начало предложения автоматически отодвигается в поствербальную (третью) позицию. В русском и английском языке порядок элементов с глаголом на втором месте от начала предложения возникает спорадически, при этом, как правило, сохраняется возможность альтернативного словоупорядка (Loc + S + V), который изредка все же реализуется при поддержке контексте. Однако, по-видимому, сходство между немецким и русским языками мнимое. В немецком и прочих языках, где развился Verb-Second-Constraint, действительно есть серьезные основания предполагать, что глагол является активно перемещаемым элементом — в общих вопросах финитный глагол выносятся в начало предложения, а в придаточном занимает конечное положение.

(6-1) Steht (1) ein Mädchen (2) dahinten (3)?

Стоит девушка там

(6-2) dass (0) ein Mädchen (1) dahinten (2) steht (3)

что девушка там стоит

⁹ Омническое предложение с тем же порядком слов возможно, но не является коммуникативно нейтральным: рус. *У окна_T стоит [красивая девушка_R]* \rightarrow *У окна_T [[красивая девушка_R] стоит]*. При тематическом акценте на ИГ *красивая девушка* предложение с данным составом полностью неграмматично.

¹⁰ Тезис Э.Уильямса легко опровергнуть примерами, где перед глаголом стоят два или более члена предложения. Ср. рус. *Нашу лабораторию (1) неожиданно (2) посетил (3) профессор Иванов (4); Нашу лабораторию (1) профессор Иванов (2) посетил (3) в апреле (4)*. Существенно, что такие предложения в русском языке могут быть коммуникативно нейтральными и необязательно должны выводиться из предложений с другим линейным порядком, что показано И.И.Ковтуновой, Н.Д.Арутюновой и Е.Н. Ширяевым и Т.Е.Янко [Ковтунова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983; Янко 2001].

Напротив, для русского и английского факт перемещения глагола в предложениях с локативной инверсией не доказан. Взаимосвязь между выносом обстоятельства места в начало предложения и выносом подлежащего в поствербальную позицию может объясняться двояко:

(7a) Обстоятельство места перемещается справа налево и выносится в начало предложения, создавая нежелательную последовательность, при которой перед глаголом оказывается два члена предложения. Чтобы устранить эту нежелательную последовательность, глагол перемещается влево, а подлежащее не меняет своего первоначального места. Эту гипотезу иллюстрируется двухступенчатой схематической записью $S + V + Loc \Rightarrow Loc_i + S + V + t_i \Rightarrow Loc_i + V_j + S + t_j + t_i$. (символом t_i обозначен след перемещения обстоятельства на первой стадии синтаксической деривации, а символом t_j – след предполагаемого передвижения глагола влево на второй стадии синтаксической деривации, полужирным выделен тот элемент синтаксической конструкции, который не подвергается перемещению).

(7b) Обстоятельство места перемещается справа налево и выносится в начало предложения. Параллельно, или вслед за этим, подлежащее перемещается слева направо, занимая конечную позицию в предложении. Глагол при этом своего места не меняет. Эта гипотеза иллюстрируется схематической записью $S + V + Loc \Rightarrow Loc_i + t_j + V + t_i + S_j$ (множественная инверсия, полужирным выделен тот элемент синтаксической конструкции, который не подвергается перемещению).

Преимуществом первого объяснения (гипотеза о перемещении глагола влево), по крайней мере, в глазах сторонников генеративной грамматики, является то, что оба перемещения осуществляются справа налево, т.е. удовлетворяют требованиям доктрины Хомского. Однако перемещение глагола влево, который на своем пути пересекает позицию подлежащего, не имеет интуитивно очевидной интерпретации.

Преимуществом второго объяснения (гипотеза о перемещении подлежащего вправо), по крайней мере, в глазах сторонников коммуникативного синтаксиса, является то, что перемещение подлежащего в конструкции с локативной инверсией имеет ясное коммуникативное предназначение: выносимое вправо подлежащее играет роль ремы высказывания, вынесенное в начало обстоятельство места получает роль темы высказывания, а остающийся на своем месте глагол является связующим звеном между ними:

(8) Коммуникативная структура предложений с локативной инверсией:

Loc = Theme	V	S = Rheme
У окна	Стоит	красивая девушка

Парадоксальным образом, при обоих объяснениях пара предложений, состоящих из всего трех элементов, анализируется при помощи пяти синтаксических позиций: две из них пустые и отражают мишени перемещений обстоятельства места и глагола либо подлежащего. Такой способ описания можно было бы счесть издержками синтаксического формализма, если бы оба приведенных объяснения были бы в равной степени вероятны, или, что то же самое, в равной степени произвольны. К счастью, эмпирический материал позволяет верифицировать гипотезу о перемещении рематичного подлежащего (7b) и отвергнуть гипотезу (7a) о перемещении глагола. Нами были проанализированы факты русского, литовского, испанского, новогреческого и албанского языков, которые позволяют сделать следующие выводы:

- (i) локативная инверсия в названных языках регулярна только в непереходных предложениях с трехчастной структурой $Loc + V + S$, и нерегулярна, либо не имеет места вообще, в переходных предложениях вида $Loc + S + V + O \sim Loc + V + S + O$.
- (ii) в непереходных предложениях с локативной инверсией подлежащее, занимающее конечную позицию, всегда имеет статус ремы.
- (iii) В переходных предложениях с вынесенным в начало обстоятельством места любая конечная ИГ интерпретируется как рема предложения, независимо от того, является ли она подлежащей ИГ, или ИГ дополнения.

Данные выводы могут быть проиллюстрированы русскими примерами (9-11):

- (9-1) Красивая девушка (1) курит (2) у окна (3).
- (9-2) ?Красивая девушка (1) у окна (2) курит (3).
- 10-1) У окна (3) курит (2) красивая девушка (1).
- (10-2) ??У окна (3) красивая девушка (1) курит (2).
- (11-1) Красивая девушка (1) курит (2) **сигареты** (3) у окна (4).
- (11-2) У окна (4) красивая девушка (1) курит (2) **сигареты** (3).
- (11-3) У окна (4) курит (2) **сигареты** (3) красивая **девушка** (1).

То же ассимметричное распределение переходного и непереходного предложений показывает литовский язык, где порядок *Loc + S + V_{intr} в непереходном предложении информанты признают неграмматичным, а порядки

Loc + S + Vtr+ O ~ Loc + Vtr + O + S приблизительно равноправны. Несколько иначе обстоит дело в испанском языке, где порядок *Loc + S + Vtr неграмматичен, а порядок Loc + V + O + Vtr, с выносом рematicного подлежащего в конец предложения признается предпочтительным, хотя порядок Loc + S + Vtr + O остается допустимым. Тем самым, испанский язык показывает тенденцию к обобщению локативной инверсии как в непереходном, так и в переходном предложении:

(12-1) A la ventana está una chica guapa. / ?A la ventana está la chica guapa.

«У окна стоит красивая девушка».

(12-2) *A la ventana una/la chica guapa está.

«У окна красивая девушка стоит».

(13-1) A la ventana está fumando cigarillos una chica guapa.

«У окна курит сигареты красивая девушка».

(13-2) ?A la ventana una chica guapa está fumando cigarillos.

«У окна красивая девушка курит сигареты».

Предсказуемый возмущающий эффект на позицию подлежащего в испанском языке оказывают также рematicные конечные обстоятельства вроде demasiado «слишком», «вовсю». В непереходном предложении без demasiado порядок *Loc + S + Vtr, как и следовало ожидать, создает аномалию, ср. контраст (14-1) и (14-2). Но при наличии конечного обстоятельства порядок Loc + S + Vtr + Adv допустим, ср. (15-2):

(14-1) En Irán se sulfuran los fundamentalistas «В Иране злобствуют фундаменталисты».

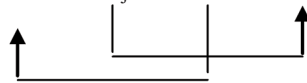
(14-2) *En Irán los fundamentalistas se sulfuran «В Иране фундаменталисты злобствуют».

(15-1) En Irán se sulfuran los fundamentalistas **demasiado** «В Иране злобствуют фундаменталисты **вовсю**».

(15-2) ?En Irán los fundamentalistas se sulfuran **demasiado** «В Иране фундаменталисты злобствуют **вовсю**».

Приведенные факты показывают, что предложения с локативной инверсией воплощают распространенную в языках мира трехчастную коммуникативную структуру: обстоятельство места/**Тема** – Глагол – Именная группа/**Рема**, где глагол не является ни собственно ремой, не собственно темой. Поэтому языки, в которых место глагола жестко не фиксировано, стремятся устранить нежелательные последовательности, где глагол замыкает высказывание с явными кандидатами на роль ремы, и продвигают рematicные элементы в конец. В непереходных предложениях с локативной инверсией естественным кандидатом на роль ремы является подлежащее. В переходном предложении роль ремы может играть любая ИГ. Тем самым, относительное расположение глагола и подлежащего является внешним планом более фундаментальных принципов синтаксиса. Формализация локативной инверсии должна учитывать как перемещение второстепенного члена влево, в позицию начальной темы, так и перемещение ИГ (подлежащего/дополнения) в позицию конечной ремы:

(16) S + V + Loc \Rightarrow [TOPIC] + t_j + V + t_i + [FOCUS]

Полученные результаты побуждают вернуться к фактам английского языка, которые дали толчок дискуссии. Дж. Бреснан [Bresnan 1994] и ее предшественники Дж. Эмондс, Т.Хукстра, Дж. Малдер отмечают, что локативная инверсия не проходит в английском языке при переходных предикатах¹¹, и возможна не при всех непереходных: ее допускают лишь те непереходные предикаты, для которых локативный элемент является обязательным актантами (argument), а не сирконстантами (adjunct). Запреты на локативную инверсию позволяют считать, что для глаголов типа be “быть”, sit “сидеть”, stand “стоять”, come “приходить” элемент со значением “МЕСТО” или “НАПРАВЛЕНИЕ”, является обязательной семантической валентностью, а для глаголов типа smoke “курить”, drink “пить”, look “смотреть”, knit “вязать”, spit “плевать” и т.п. — нет.

$SV_{intr} \text{ LocArg} \rightarrow \text{LocArg } V_{intr} S$

17a) A lamp was in the corner. Букв. “Лампа есть в углу” \rightarrow 17b) **In the corner** was a lamp. Букв. “**В углу** есть лампа”

$SV_{intr} \text{ LocAdj}, * \text{LocAdj } V_{intr} S$

18a) **Among the guests** was sitting my friend Rose. “**Среди гостей** сидела моя подруга Роза”.

¹¹ Ср. англ. A lucky hiker (1) can find (2) the reclusive lyrebird (3) **in this rainforest** (4) “Удачливый прохожий (1) сможет обнаружить (2) скрытную птицу-лиру (3) **в этом дождевом лесу**” \rightarrow ***In this rainforest** can find the reclusive lyrebird a lucky hiker.

18b) *Among the guests was knitting my friend Rose. “Среди гостей вязала моя подруга Роза”.

19a) On the corner was standing a woman. “На углу стояла женщина”.

19b) *On the corner was drinking a woman. “На углу пила женщина”.

Нет сомнений, что Дж.Бреснан верно выделила условия, в которых локативные элементы могут перемещаться в английском языке, но предложенная ей интерпретация, согласно которой локативная инверсия — лексическая черта небольшого класса непереходных предикатов с обязательной валентностью на актант со значением “МЕСТО” или “НАПРАВЛЕНИЕ”, опровергается материалом. Во-первых, в исследованных нами языках локативная инверсия возможна, хотя с меньшей степенью регулярности, и в переходных предложениях. Во-вторых, в европейских языках, кроме английского, не просматривается контраста в плане допустимости локативной инверсии между непереходными глаголами с инактивным субъектом («быть», «стоять», «прислоняться», «приходить» и т.п.) и непереходными глаголами с инактивным субъектом («прыгать», «плясать», «орать», «плевать» и т.п.). Тем самым, не удастся выделить никакого семантического класса предикатов, которые дают конструкцию с локативной инверсией в языках мира. Конечно, можно ad hoc постулировать, что любой предикат при порядке Loc + V + S меняет свое лексическое значение, а само предложение с локативной инверсией получает значения «введение в рассмотрения бытующего предмета», выделенного И.И.Ковтуновой у предложений типа рус. *В лесу (Тема) скопилось шестая дивизия (Рема)*. Но такой шаг равносителен отказу от исходной посылки Дж.Бреснан и переходу к анализу в терминах коммуникативной перспективы; между тем, нет оснований думать, будто тематизация или рематизация элемента должны менять лексическую семантику предиката и статус его актантов в синтаксической иерархии. Мы заключаем, что конструкция с локативной инверсией сама по себе не дает оснований вводить разные типы подлежащих для переходных, непереходных активных (unergatives) и непереходных инактивных предикатов (unaccusatives), равно как и утверждать, что при порядке Loc + V + S поствербальная ИГ в предложения типа англ. *On the corner was a lamp*, рус. *На углу стояла женщина* не является каноническим подлежащим, как это делают Дж.Бреснан и М.Бабёнышева [Bresnan 1994: 96-98; Babyonysheva 1996: 9, 26-30, 35-38, 41-52]¹². Разумеется, если заранее принять доктрину, согласно которой субъекты «неэргативных» и «неаккузативных» предикатов всегда должны иметь разный статус в любом языке и занимать разные узлы дерева предложения, подобное описание останется неуязвимым. Тем не менее, правомерно потребовать, чтобы сторонники данной доктрины представили дополнительные доводы в пользу реальности конструктов вроде перемещения глагола во вторую позицию для языков типа русского, литовского или новогреческого, а также формализовали бы более точную модель тема-рематических отношений.

Список литературы

1. Babyonyshev M. Structural Connections in Syntax and Processing: studies in Russian and Japanese. 1996. MIT.
2. Bailyn J.F. Generalized inversion // Natural Language and Linguistic Theory, 22 (2004), 1-49.
3. Bresnan J. Locative Inversion and the architecture of Universal Grammar. // Language, 1994, vol. 70, Nr. 1, 72-131.
4. Chomsky N. A Minimalist Program for Linguistic Theory // The view from building 20. /Hale, K. S.L.Keyser (eds). Cambridge, Mass. MIT Press. 1993.
5. Chomsky N. (2001) Derivation by phase. In M. Kenstowicz. (Ed.) Ken Hale: A life in language. Cambridge, Mass.: MIT Press.
6. Emonds J. A transformational approach for English syntax. N.Y., 1976.
7. Fiengo R.. On Trace Theory // Linguistic Inquiry 8, 1977, 35-62.
8. Gazdar G., Klein E., Pullum G., Sag I. Generalized Phrase Structure Grammar. Harvard University Press. Cambridge, Mass, 1985.
9. Greenberg J.H. Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements // Universals of language, Cambridge, Mass. 1963, p. 73-113.
10. Hoekstra T. and Mulder R. Unergatives as copular verbs. Locational and existential predication // Linguistic review, 7 (1990).
11. Kobele G. and Michaelis J. Two Type 0-variants of Minimalist Grammars // Proceedings of the 10th conference on Formal Grammar and the 9th Meeting on Mathematics of Language, 2005.
12. Progovac L. Clitics in Serbian/Croatian: Comp as the Second Position // Approaching Second/ A.Halpern, A. Zwicky (eds.). CSLI Publications. Stanford, California, 1996, 411-428.
13. Shieber St. Evidence against the context-freeness of natural languages // Linguistics and Philosophy 8 (1985), 333-

¹² Дж. Бреснан и М.Бабёнышева находят разных кандидатов на роль подлежащего в предложениях с локативной инверсией: для Дж.Бреснан [Bresnan 1994: 109] свойства подлежащего имеет сама локативная группа в английском языке, в то время как М.Бабёнышева постулирует для русских предложений с поствербальной ИГ «фонологически нулевой глагольный аргумент в превербальной позиции» [Babyonysheva 1996:28].

343.

14. Sloussar N. Mysterious nature of the Russian EPP // SLS 1 Conference, Bloomington, 8-10. September 2006.
15. Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // Wackernagel J. Kleine Schriften. Bd. I, Basel, 1953, 1-103.
16. Williams E. Subjects of Different Heights // FASL 14 Conference, 2005.
17. Zimmerling A. Encoding strategies in Word Order: the Evidence of Slavic Languages // SLS 1 Conference, Bloomington, 8-10. September 2006.
18. Zwicky A.M. On Clitics. Indiana University Linguistic Club. 1977.
19. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., Наука, 1983.
20. Гладкий А.В., Мельчук И.А.. Элементы математической лингвистики. М., Наука, 1969.
21. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., Просвещение, 1976.
22. Мельчук 1974 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ Текст. М., 1974. 314 стр.
23. Падучева Е.В.. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // НТИ, Сер. 2. 1984. N 10.
24. Перекрестенко А.А. Об автоматическом синтаксическом анализе в некоторых классах контекстно-зависимых языков // Московский лингвистический журнал, том 6, №2. Москва, 2003.
25. ФНСАЛ 1997 – Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., МГУ, 1997.
26. Циммерлинг А.В.. Порядок слов и синтаксические позиции. // Труды международного семинара “Диалог 1999” по компьютерной лингвистике и её приложениям /А.С. Нариньяни (ред.). Москва, 1999.
27. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., «Языки славянской культуры», 2002.
28. Циммерлинг А.В. Отношение свободного порядка слов и модели инверсии // Труды международного семинара “Диалог 2006” по компьютерной лингвистике и её приложениям. Москва, 2006, 541-544.
29. Янко Т.Е.. Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры, 2001.
30. Янко Т.Е. Повествовательные предложения с препозицией глагола // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001 а, 371-382.